

УДК: 159.923-056.266

Л.А. Вертынская*преподаватель каф. социальной и семейной психологии**Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка**e-mail: vert.lid@tut.by***КОНСТРУИРОВАНИЕ СЕБЯ В НАРРАТИВЕ: ОПЫТ ИНВАЛИДНОСТИ**

Приводятся результаты качественного анализа данных, выполненного на материале биографического интервью человека с ограниченными возможностями в передвижении. В фокусе внимания находится проблема конституирования человеческого Я в ситуации ненормативного кризиса, вызванного внезапной утратой физического здоровья. Нарратив о приобретенной инвалидности понимается как форма организации личного опыта, смысл которого достигается посредством непрерывной интерпретации хронически болеющим человеком своих разрозненных внутренних переживаний и изменчивых физических состояний. Особое внимание уделяется тому, как для объяснения опыта инвалидности в биографическом нарративе используется полученная травма, каким образом она сказывается на процессе реконструкции идентичности и выборе стратегий для самоописания.

Введение

Проблема исследования человеческого Я остается одной из наиболее актуальных в психологии личности на протяжении всего периода ее оформления в самостоятельную область научного знания. Поиск ответов на вопросы о том, что и каким образом измерять, исследуя такую реальность, как Я, что рассматривать в качестве эмпирических данных и какой должна быть теоретическая модель исследуемого предмета, требует глубокого научного анализа.

Лингвистический поворот второй половины XX столетия, способствовавший переосмыслению методов и метатеоретических оснований научного познания, позволил ученым обратиться к изучению языковых форм деятельности [1, с. 15], определяющих формирование социальной реальности. В гуманитарных науках данный поворот привел к необходимости эпистемологического сдвига [2, с. 29], перехода от мышления о языке к мышлению через язык [3, с. 95]. В психологии данная смена научной установки предоставила возможности относиться к языку как основному условию конституирования человеческого сознания. В некоторых подходах (конструкционистском, дискурсивном, нарративном) зазвучали идеи о том, что Я человека представляет собой открытую [4] и динамически подвижную языковую конструкцию [5], способную проявляться в вербально артикулированной форме как повествовательный текст. Появились мнения о том, что процессуально самоосуществляясь и видоизменяясь в нарративе, Я тем не менее способно поддерживать некоторую воображаемую целостность и связность. Другими словами, создание Я-нарратива может быть понято как создание временных версий протраивания себя, предъявляемых на опознание в интерпространство [6, с. 136], в условиях которого публичность процесса переименования Я подчеркивает диалогический характер самости [7; 8], проявляемый ею в коммуникативных актах обыденного языка. При этом в рамках налагаемых языком социокультурных ограничений рассказанное Я или идентичность человека может быть представлена как эффект переговоров и конструктивных процессов, где первостепенная роль отводится ее интеракционному производству [9, с. 14], а формирование значений связывается с социальными ситуациями и взаимодействием высказываний [5, с. 117]. Однако естественность формы рассказа о себе как средства выражения мыслей и переживаний не вытекает из природы самого процесса коммуникации, а является следствием нарративного способа понимания мира [10, с. 57]. Говоря об этом в своей работе «Реальное сознание, возможные миры» Дж. Брунер предлагает использовать нарратив в качестве методоло-

гии самопонимания [11, с. 29], базирующейся на непрерывно совершаемых человеческим мышлением интерпретациях себя и окружающего мира.

Т. Сарбин, предложив нарратив в качестве базовой метафоры для психологии в целом [12, с. 6], также обозначил необходимость перехода в изучении личности от деконтекстуализированного, изучаемого по отдельным функциям и свойствам Я к его интегрирующему началу, имеющему нарративную природу. Он высказал тезис о том, что личность, воплощаясь в тексте самонарратива, может быть обнаружена и зафиксирована через систему принадлежащих ей значений [12, с. 8]. С этой точки зрения, интерес психологии к нарративу может быть проявлен посредством исследования того, «что» и «как» повествует о себе личность [13, с. 11]. Анализу могут подлежать биографические и тематические нарративы отдельных личностей и целых социальных групп (чаще так называемых «молчаливых» групп населения: участников боевых действий, эмигрантов, осужденных, наркоманов, инвалидов и т.д.) с целью экспликации их способов понимания и истолкования реальности. По мнению Д. Полкингхорна [14], обладая необходимым потенциалом для валидации знаний обычных людей и понимания скрытых мотивов их поведения, нарративы также способны обеспечивать доступ к процессам интернализации социального мира [15, с. 37–38], позволяя приближаться к осознанию того, каким образом те или иные социально-культурные репертуары нарративных форм используются личностью для упорядочивания и развития собственного Я-нарратива [14, с. 94–95].

С целью обнаружения и понимания того, как осуществляется конституирование человеческого Я, вызванного внезапной утратой физического здоровья, в проведенном исследовании за основу была принята модель идентичности как жизненной истории [16, с. 136], где существенное значение было отдано тому, как человек упорядочивает свое переживание опыта инвалидности в форме личного нарратива. Развернутое устное повествование выступило в исследовании в качестве ключевого информативного источника, требующего прояснения содержательных тем: как хроническая болезнь и приобретенный социальный статус инвалида сказываются на индивидуальном самовосприятии и структурируют жизнь; каким образом связываются воедино отдаленные события прошлого с периодами актуального физического и душевного страдания; как самоинтерпретируются произошедшие перемены на уровне личностной и телесной организации.

Для сбора эмпирических данных в исследовании были выбраны и задействованы такие методы, как биографическое нарративное интервью и биографический нарративный анализ [17] в версии Г. Розенталя. Учитывалось, что данная стратегия исследования нарратива является репрезентативной [9, с. 5–8], она субъект-центрирована и тяготеет к идее выражения в речи черт личности, ее внутренних состояний, произошедших событий, организованных в виде повествования с учетом сформировавшейся на протяжении жизни у данного человека индивидуальной системы интерпретаций. В связи с этим нарративный анализ текстов рассказанных повествований основывался на тематической реконструкции данной системы индивидуальных предпочтений с последующей их профессиональной интерпретацией [18, с. 181]. При таком анализе механизмов нарративного конструирования идентичности из рассмотрения были исключены: 1) ситуация рассказывания и 2) особенности позиционирования рассказчика и слушателя, находящихся во взаимодействии.

Выбор респондента для проведения нарративного интервью в рамках исследования был обусловлен возникшим запросом на оказание психологической помощи со стороны человека, пребывавшего на месячной реабилитации в РУП «Белорусский протезно-ортопедический восстановительный центр». Обращение к нарративу во время взаимодействия было продиктовано несколькими практическими предпосылками. Во-первых, учитывалось, что создание жизненной истории обладает психотерапевтическим эффек-

том и может служить средством для лечения проблематичных переживаний за счет многозначности гештальта [17, с. 166], который хранит в себе потенциальные возможности для реорганизации представлений о пережитом в процессе повествования. Во-вторых, допускалось, что проговаривание или повторение жизненной истории позволяет рассказчику утверждаться в ее понимании: когда репрезентация становится достаточно стабильной, рассказчик может начинать действовать в некоторых жизненных ситуациях в соответствии с продуктивными характеристиками [9, с. 5–6], подчеркнутыми в рассказе. В-третьих, выбор именно биографического, а не тематического нарратива исходил из предположения о наличии переломных моментов в жизненной истории пострадавшего человека, которые могли привести к осуществлению реконструкции идентичности.

В рамках нарративного интервью респонденту был задан следующий «нарративный импульс»: «Я хотела бы попросить Вас рассказать историю Вашей жизни. Лучше всего, если Вы начнете с момента рождения, с того времени, когда Вы были ребенком, и расскажете затем обо всем, что с Вами происходило вплоть до настоящего времени. Вы можете говорить даже о деталях, так как меня интересует все, что важно для Вас самого. Время Вашего рассказа не ограничено». Этот «импульс», развернутый в максимально просторном временном и тематическом континуумах, являлся стимулом к биографическому повествованию. Как отмечает Х.-Ю. Глинка, посредством данного импульса в рамках нарративного интервью биографу предлагается возможность осуществления саморефлексивной работы [19, s. 57]. В ходе рассказа до этого диффузные и когнитивно необработанные переживания, содержащиеся в памяти, организуются и вырисовываются в виде общего гештальта. Нарратор погружается в пережитое, оказывается захваченным в известной мере прежними механизмами событийного развития и изменения, но затем в актуальной ситуации взаимодействия интервью получает возможность дистанцированного и дифференцированного взгляда на себя и свою жизнь.

Иначе говоря, биограф работает в некотором временном зазоре между смутной эмпирикой прошлого и сопровождаемым когнитивной ясностью настоящим. Г. Розенталь так говорит об этом: «Рассказ о жизни в том виде, в каком он развивается вокруг определенных тем, представляет собой общую конструкцию биографического опыта, т.е. своего рода сгусток событий и ожиданий будущего, но одновременно и продукт настоящего положения, в котором находится биограф» [20, с. 330]. Т.е. рассказ в качестве основного своего конститутива может иметь не столько ретроспективное восстановление пережитого прошлого опыта, сколько проектирование иного опыта, и прежде всего образа себя.

Краткая информация об интервьюируемой: *Л.С.* с детских лет проживает в городе Светлогорске. Родилась в семье рабочих. На данный момент ей 28 лет. Замужем. Три месяца назад родила ребенка. Имеет аттестат об общем среднем образовании. В 1999 г. поступила в Светлогорский техникум, однако его не закончила. Не работает и рабочего стажа как такового не имеет, на данный момент – домохозяйка. Инвалид II группы, срок инвалидности – 4 года, получила травму в 2003 г. в результате ДТП. Сейчас находится на реабилитации в протезно-ортопедическом госпитале для лечения и стационарного протезирования ноги.

В исследовательской ситуации интервью *Л.С.* охотно согласилась побеседовать, не выражая существенного интереса к самой процедуре и ее назначению. На просьбу рассказать свою жизненную историю отреагировала растерянностью, не зная с чего начать. Оформление самопрезентации оказалось для нее непростой задачей, побудившей обратиться к усвоенному в процессе социализации культурному образцу в выстраивании биографии. Относительно быстро и коротко, перечислив в хронологической последовательности события своей жизни, адресовала запрос интервьюеру на сопровождение

повествования дополнительными вопросами. В ходе дальнейшей интеракции, основываясь на нозме последствий дорожно-транспортного происшествия, подвергалась повторному переживанию.

Исходя из полученной в основном рассказе-экспромте информации в рамках последовавшего нарративного анализа проверке была подвергнута гипотеза о том, что предложенный рассказчицей биографический конструкт есть попытка преобразовать нарратив регресса в нарратив стабильности и восстановления. Об этом свидетельствует первоначальное желание *Л.С.* убедить в том, что ее жизнь находится под контролем и она способна ею самостоятельно управлять («Ну, сейчас, *сейчас* я ж уже говорю, все уже стабилизировалось, все нормально»). Однако эта нарративная интенция биографа обнаружила существенный контраст с подавленным эмоциональным состоянием *Л.С.* в процессе интеракции, проявленными слезами, паузами, запросами на структурирование хода интервью вопросами со стороны интервьюера, давлением, ощущаемым биографом со стороны культуры и социума, в котором приветствуется нарратив «хорошей стабильности» и атрибутивно маргинализируются случаи, не вписывающиеся в заданную рамку. Необходимо отметить, что презентация *Л.С.* себя-прежней как активно, самостоятельно конструирующей свою жизнь, в ходе шестишагового анализа [17, с. 216] не выдержала проверки. В ее описаниях как прошлого, так и настоящего постоянно подчеркивалась определяющая роль других людей и внешних обстоятельств: «так уж получилось», что сдала экзамены на пятерки («сама не знаю как»), что поступила именно в этот техникум («мать настояла», а сама не хотела), что «выбрала» именно эту профессию (точнее «профессия меня выбрала»), что появился ребенок (которого не планировали), что вышла замуж (поскольку будущий муж сам проявил инициативу) и т.д. В результате генетического анализа при реконструкции хронологической последовательности пережитых событий и значений, которые они имели для биографа, был сделан вывод: то, как складывалась жизнь *Л.С.*, – это не результат ее личных достижений, а то, что случалось с ней (на это в грамматическом плане указывает частое использование биографом во время повествования безличного залога: «так получилось», «не сложилось» и др.). В этом смысле нарративная самопрезентация *Л.С.* выстроена согласно логике внешних обстоятельств, где окружающие структурируют ход ее жизни (мама, которая повлияла на ее решение поступать в техникум; друзья, которые постоянно «вытаскивали, чтобы не сидела одна дома» после аварии; муж и ребенок, которые воспринимаются как что-то «должное», хотя и «не дают счастья»). Однако в рассказе биограф пытался представить себя как человека, который со всем «прекрасно справляется» сам. Именно эта оценка себя *Л.С.* не согласовывалась с обозначенными во время интервью обстоятельствами, характеризующими ее как человека очень зависимого и опирающегося на других. Особенно ярко это тенденция была проявлена в таких темах, как учеба («Если бы со мной кто-то занимался, да, я бы училась, а сама, одна, я этого делать не буду»); инвалидность как видимый физический дефект («Ну, стараюсь не замечать, что у меня нет ноги, что что-то есть, чего-то нету. Если кто-то со мной рядом и меня, можно сказать, потянет, то я зайду и без всяких проблем... Одна – мне это тяжело. И вот даже в магазин идти мне неловко, потому что выбрать какую-то одежду, ее надо померить... а когда кто-то со мной рядом – мне просто»), межличностные отношения (например, с матерью, когда мнение *Л.С.* «не особо учитывается»).

Итогом тематического анализа полей биографического конструкта стало обнаружение ключевой темы развернутого повествования, обусловившей сюжет рассказанной жизненной истории и то, как в структуре данного случая разворачивалось центральное переживание, а именно переживание психологической зависимости нарратора и его неспособности управлять своей жизнью. На основании анализа того, когда и в какой био-

графической констелляции оно проявилось в первый раз, в каких жизненных фазах оно усилилось, в каких пропало, было определено, что отсутствие психологической автономии не является результатом полученной травмы *Л.С.*, а указывает на зависимый характер ее функционального реагирования, практиковавшийся и ранее. Травма в этом отношении представляет собой мощный интерпретационный ресурс, позволяющий локализовать в себе источник того, что с определенного времени полностью структурирует жизнь и оправдывает нежелание что-либо менять. Речь, разумеется, идет не о том, что авария и ампутация ноги не оказали на *Л.С.* серьезного травматического воздействия; вопрос в том, каким образом полученная травма задействована биографом для объяснения произошедших с ним перемен. Попытка определить полученную травму в качестве поворотного пункта биографии, повлекшего негативные самоизменения, оказалась повествовательной маскировкой, призванной посредством нарративной фетишизации устранить следы собственной психологической зависимости от других в прошлом. Об этом свидетельствуют противоречия, неоднократно встречающиеся в рассказе. Примером использования травмы-как-оправдания своему бездействию является оценка биографом своего нынешнего положения, где *Л.С.* подчеркивает невозможность в связи с приобретением инвалидности устроиться на работу и закончить учебу в техникуме, поскольку травма «отняла смысл жизни», лишила перспектив и внешней привлекательности, создавая контраст для оценки своего прошлого как позитивного периода жизни, когда она была «совершенно другим человеком».

В результате интерпретации представленного биографического опыта было выделено несколько стратегий самоконструирования, задействованных биографом для создания и поддержания истории собственного Я:

1. Стратегия институциональной нормативности. В процессе нарративной организации жизненных событий в единую историю биограф придерживался следования заложенному в социуме культурному образцу оформления автобиографической самопрезентации в определенном хронологическом порядке. Данный способ предъявления биографии, характеризующийся предзаданностью формы и ее событийной направленности, основывался на стремлении к соответствию «социальной норме», в которой культурно закодирована история отношения к человеку с инвалидностью, исторически хранящая в себе следы практик социального отвержения и эксклюзии до нормализации и включения его в общественную систему. Снижение функций управления биографической работой [21, с. 251] до артикуляции биографической фактичности указывает на зависимость от доминирующего дискурса и страх выйти за рамки, установленные на государственном уровне в пределах нескольких последних десятилетий, законодательно предписывающие нормативную интеграцию человека с ограниченными физическими возможностями в общество. Об этом свидетельствует социально желательная попытка *Л.С.* во время повествования о себе и своей жизни превратить нарратив регресса в нарратив стабильности и восстановления. В тексте интервью отчетливо заметно, как возрастает биографическое напряжение в тех жизненных фазах, где возникает прецедент для отклонения от нормативности (приобретение инвалидности, незавершенная учеба в техникуме, отсутствие работы, ненадлежащий уход за ребенком, по собственной оценке *Л.С.*, и т.д.) и обнаруживается его ослабление при описании событий, попадающих в социально позитивный перенос (отдых, учеба в школе).

2. Стратегия драматизации. Она сопряжена с ролью инвалида, в рамках осознания которой биографом установлена определенная ролевая дистанция между образом себя-как-инвалида и остальным ролевым репертуаром (дочери, супруги, матери, подруги и т.д.). Внутреннее непринятие себя в новом социальном статусе – как человека с ограниченными возможностями в передвижении – затрудняет интеграцию идентичности, обнаруживая в нарративе «несовпадение с самим собой» и усиливая рассогласо-

ванность коммуникативных фигур «Я-инвалид» и «Я-неинвалид» в процессе повествования. Трудности в отождествлении себя с человеком с нарушениями опорно-двигательного аппарата подкрепляются самоустановкой на то, что в общественном сознании по отношению к инвалидам существует некий «ролевой дефицит», в условиях которого люди с физическими ограничениями воспринимаются весьма стереотипно, исключительно через стигму инвалидности, без возможности быть заметными в социальном пространстве другими ролями. Так, во время ситуации интервью *Л.С.* обозначила, что она крайне тяжело внутренне переживает, когда незнакомые окружающие люди видят в ней в первую очередь инвалида («ну, не хотелось бы, чтобы глазели на меня, да особенно бабульки: *“Ой, бедненькая девочка”*»; «допустим, в кафе какое-то мне пока неудобно идти, без ноги, все же смотрят»), хотя данная проекция могла бы не пройти проверку жизнью: вероятно, кто-то в данных обстоятельствах мог бы заметить в ней отдыхающего человека, влюбленную девушку, пришедшую на свидание, подругу, ожидающую встречи и т.д.

3. Стратегия фетишизации нарративной целостности. В контексте сюжета представленной жизненной истории приобретение опыта инвалидности в виду его травматического содержания специфическим образом сказалось на форме ее организации: развернутое повествование о жизни не было завершено, поскольку в процессе рассказа биограф подвергся повторному переживанию. Нарративная структура биографического опыта, основанная на событийной упорядоченности, утратила событие в качестве основной единицы повествования, уступив место описанию ключевого переживания. Рассказ об инвалидности как поворотном биографическом пункте, обладающем релевантностью, вызвал трудности в проговаривании того, что «*погубило жизнь*» и продолжает доставлять душевную боль и страдания. Обнаруженная неспособность биографа придать произошедшему статус целостной и завершенной истории эксплицировала недостаток речевых ресурсов для символизации травматического опыта инвалидности в нарративе, в котором травма была исключена в качестве предмета повествования, а взяла на себя функцию его структурирующего принципа.

4. Стратегия темпорального различения. В процессе самоописания биограф задействовал временной вектор, используя слова-операторы «раньше» и «сейчас» для фиксации произошедших с ним субъективных изменений. «Я-раньше» в повествовании использовалась как форма историзации своего опыта, обладающая когерентностью и связностью в представлении себя. В ходе хронологического секвенцирования рассказа, опираясь на событийно-временную последовательность, было установлено, что для управления образом-себя-в-прошлом селективно из памяти было отобрано восемь линейно организованных событий (развод родителей, переезд, вхождение отчима в семью, отдых, смерть родного отца, учеба в школе, поступление и учеба в техникуме, работа), обеспечивших плотность описания. Настоящее время в самоописании биографа основано на пяти событиях (авария, знакомство с мужем и создание семьи, второе ДТП, рождение ребенка, переезд на новую квартиру) и развернутом активном переживании психологической зависимости, артикулированное опытом приобретения инвалидности. «Я-сейчас» – это ключевая фигура повествования, темпорально организованная в нарративе биографом для фиксации актуального самоотношения.

5. Стратегия контрастного самоописания. В процессе основного рассказа-экспромта биограф избегал прямой оценки себя, используя косвенные определения, имеющие отношение к фигуре своего «Я». Основой для самоконструирования стала развернутая в ходе беседы интеракция, которая способствовала осознанию образа себя и его вербализации. Тема личностного самоизменения была контекстно затронута в связи с событием приобретения травматического опыта, который, согласно *Л.С.*, обусловил и разделил восприятие собственного Я на «до» и «после» аварии. Также учи-

тывалось, что прежний-Я-образ биографа является в первую очередь конструктом настоящего, и преобладающая оценка этого образа сказывается на «задействовании» травмы в виде объяснительной, интерпретационной рамки для произошедших личностных изменений, легализующей возможность образования негативных коннотаций в самоописании через контраст позитивным. Недовольство образом-себя-в-настоящем привело к открытому противопоставлению своих актуальных личностных качеств (безуспешность, недоверчивость, беспомощность, раздражительность), обладающих выраженным модусом негативности, тем идеализируемым качествам прошлого, которые характеризуют ее позитивно (успешной в учебе, открытой новому опыту, способной на доверительные отношения с одноклассниками, обладающей большим количеством интересов и т.д.). Данный способ биполярной самопрезентации выявил проблему дифференцированного взгляда на свое Я посредством двух контрастных образов, находящихся в оппозиции по отношению друг к другу.

Заклучение

Приведенный пример биографического нарративного анализа транскрибированного текста интервью демонстрирует возможности и специфику качественной методологии для исследования нарративной идентичности человека, столкнувшегося в своем опыте с травмой.

Обнаружение и анализ стратегий самоконструирования на основании нарративизации биографического опыта способствует осознанию того, каким образом происходит переопределение, или же реконструкция, идентичности в результате внезапной утраты физического здоровья и как ее трансформация воздействует на адаптационные ресурсы личности. Такие знания могут быть использованы как в психологической практике для оказания помощи по созданию «предпочитаемой истории» [22, с. 31] об опыте инвалидности, посредством которой человек сможет чувствовать себя способным влиять на собственную жизнь, так и для обогащения теоретического дискурса о социально-психологических проблемах человека с ограниченными возможностями в передвижении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов / Дж. Остин. – М. : Идея-пресс, 1999. – 137 с.
2. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // *Вопр. философии*. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
3. Савчук, В. В. Феномен поворота в культуре XX века / В. В. Савчук // *Междунар. журн. исслед. культуры*. – 2013. – № 1. – С. 93–108.
4. Автономова, Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 503 с.
5. Джерджен, К. Социальный конструкционизм: знание и практика / К. Джерджен. – Минск : БГУ, 2003. – 232 с.
6. Абушенко, В. Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения / В. Л. Абушенко // *Вопр. соц. теории*. – 2010. – С. 128–146.
7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
8. Hermans, H. J. The dialogical self: toward a theory of personal and cultural positioning / H. J. Hermans // *Culture and Psychology*. – 2001. – Vol. 7 (3). – P. 243–281.

9. Wortham, S. *Narratives in action* / S. Wortham. – New York : Teachers College Press, 2001. – 183 p.
10. Тжебиньский, Е. Нарративное понимание и нарративные действия / Е. Тжебиньский // Постнеклас. психология. – 2006. – № 1. – С. 56–81.
11. Bruner, J. *Actual Minds, Possible Worlds* / J. Bruner. – Cambridge : Harvard University Press, 1986. – 201 p.
12. Сарбин, Т. Р. Нарратив как базовая метафора для психологии / Т. Р. Сарбин // Постнеклас. психология. – 2004. – № 1. – С. 6–28.
13. Брунер, Дж. Жизнь как нарратив / Дж. Брунер // Постнеклас. психология. – 2005. – № 1 (2). – С. 9–31.
14. Polkinghorne, D. *Narrative knowing and the human sciences* / D. Polkinghorne. – New York : State University of New York Press, 1988. – 185 p.
15. Shotter, J. *Conversational Realities: Constructing Life through Language* / J. Shotter. – London : Sage Publications Ltd, 1993. – 208 p.
16. МакАдамс, Д. П. Психология жизненных историй / Д. П. МакАдамс // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, вып. 3. – С. 135–165.
17. Rosenthal, G. *Erlebte und erzählte Geschichte: Gestalt und Struktur biographischer Selbstbeschreibungen* / G. Rosenthal. – Frankfurt/Main ; New York : Campus, 1995. – 243 p.
18. Корбут, А. М. Ситуационные основания нарративных образовательных исследований / А. М. Корбут, А. А. Полонников // Анализ образовательных ситуаций : сб. науч. ст. / под ред. А. М. Корбута и А. А. Полонникова. – Минск, 2003. – С. 179–208.
19. Glinka, H.-J. *Das narrative Interview: eine Einfuehrung fuer Sozialpaedagogen* / H.-J. Glinka. – München : Juventa Verlag, 1998. – 269 s.
20. Розенталь, Г. Реконструкция жизненных историй. Принципы отбора в процессе порождения жизненных историй применительно к биографическим нарративным интервью / Г. Розенталь // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. – С. 322–356.
21. Fischer-Rosenthal, W. *The problem with identity: Biography as Solution to Some (Post)-Modernist Dilemmas* / W. Fischer-Rosenthal // Comenius. – 1995. – № 15. – P. 250–265.
22. Фридман, Дж. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия / Дж. Фридман, Дж. Комбс. – М. : Класс, 2001. – 368 с.

Рукапіс пастапіў у рэдакцыю 25.02.2019

Vertinskaya L.A. Constructing Oneself in a Narrative: the Experience of Disability

The article represents the experience of qualitative data analysis performed on the basis of a biographical interview of a person with limited mobility. The focus is on the problem of the constitution of self in a situation of an non-normative biographical crisis caused by a sudden loss of physical health. The narrative of acquired disability is understood as a specific form of organization of personal experience, the meaning of which is achieved through the continuous interpretation of its disparate inner experiences and changing physical states by a sick person. Particular attention is paid to how the resulting trauma is used to explain the experience of disability in a biographical narrative, how it affects the process of reconstructing identity and choosing strategies for self-description.